МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ОМСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

**ОМСКИЙ ФИЛИАЛ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН**

КУЛЬТУРА РУССКИХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

**ОМСК
2011**

УДК 930.85(=161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4
К 90

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Харинский А.В., доктор исторических наук, декан факультета права, социологии и СМИ Иркутского государственного технического университета
Татауров С.Ф., кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН

К 90 Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст./ под ред. Л.В. Татауровой. – Омск: Издательство Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. – 430 с.

ISBN 978-5-91892-089-3

В сборник вошли статьи, посвященные изучению русской культуры на основе данных археологии, подготовленные для обсуждения проблем научного направления – археологии русских – и решения вопросов изучения и сохранения археологических материалов, создания единого банка данных, применения новейших естественнонаучных и информационных технологий в исторических реконструкциях и процессе познания. Эти проблемы рассмотрены на Четвертой Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии», прошедшей в Омске - Таре 21-24 ноября 2011 года.

Для ученых в области археологии, этнографии, истории; аспирантов и студентов гуманитарных факультетов.

Ответственность за содержание материалов, достоверность статистической информации, точность изложенных фактов и цитат несут авторы статей.

Сборник подготовлен при финансовой поддержке:

Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Народы и культуры юга Сибири: этнокультурные процессы и связи в XVI – начале XXI века»

Министерства образования и науки РФ ГК № 14.740.11.1392 «Междисциплинарные методы и технологии в археологии русских: история, технологии, человек»

ISBN 978-5-91892-089-3

УДК 930.85(=161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4

©Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011
©Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2011
©Омский филиал Учреждения Российской академии наук Института археологии и этнографии СО РАН, 2011

Л.Д.Макаров

РУССКИЕ ВЯТЧАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ

Современное коренное русское население Вятского края сформировалось преимущественно из выходцев с территории Русского Севера и Волго-Окского междуречья, бывших когда-то владениями Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества. Это не исключает вкраплений переселенцев из Псковской земли, Рязанского княжества и южнорусских территорий. Какая-то часть пришельцев состояла из обрусевших финнов. С течением времени аборигенное пермское население, и поволжские финны юго-западной окраины Вятской земли были вовлечены в процессы аккультурации и постепенно обрусели, пополнив русское население региона. Следы былого обитания аборигенов на Вятке обнаруживаются в говорах, ономастике и антропологическом облике современных коренных вятчан, давно ставших русскими.

Ключевые слова: русское население Вятского края, этническая история, археология, расселение, археологические находки их разнообразие и аналогии

Процессы сложения тех или иных групп населения на территории России всегда оставались объектом повышенного внимания специалистов различных научных дисциплин – историков, филологов, антропологов, генетиков, философов. Не является исключением и русское население, широкий разброс которого на гигантской территории одной шестой части суши нашей планеты породил значительные локальные особенности отдельных его групп. Не касаясь проблем обособления славянского этноса, многократно рассмотренных в трудах ученых-славистов, отметим только, что, несмотря на известные разногласия, большинство исследователей, опираясь на междисциплинарный подход, все же приходят к выводу о преемственности восточнославянских племен и древнерусской народности (Седов В.В., 1999. – С.9-24). По мнению В.В.Седова, «древнерусский этнос… был сложным формированием, включавшим в себя несколько различных праславянских группировок… Становление единой древнерусской народности стало возможным только в результате активных интеграционных явлений, которым способствовали и имевшие место передвижения населения» (Седов В.В., 1999. – С.183).

Рассматриваемая тема предполагает анализ материалов, позволяющих выйти на истоки формирования русского населения Вятской земли. В первую очередь, это касается тех территорий, население которых мигрировало на Вятку, а именно: северной половины Восточно-Европейской равнины, точнее – Русского Севера и Волго-Окского междуречья.

Относительно происхождения жителей Вятского края в историографии существует весьма основательный разнобой, причиной которого является состояние источников. Так, например, антропологи выделяют на современных материалах вологодско-вятский тип, сложившийся на основе интеграции балтийского и ильменского типов и ассимилированных групп уральского происхождения. Близок он и к верхневолжскому типу, особенно к восточному его варианту с присущими ему восточно-финскими элементами, что связано с южными районами Севера, заселявшимися из Ростово-Суздальской земли (Витов М.В., 1997а. – С.22-24; Русский Север…, 2001. – С.21). Соответствия антропологическим данным отмечаются и в диалектологии: среди северных русских наречий выделяется вологодско-вятский, распространенный от Белого озера на восток к среднему течению Двины и на Вятке (Русский Север, 2001. – С.21). Заметное совпадение Вятского края с Вологодским (точнее – Волжско-Сухоно-Двинским) прослеживается по отдельным категориям этнографических материалов (Витов М.В., 1997б. – Карты 4, 12, 24, 29, 32, 33, 36). Необходимо обратиться к историческим источникам Вятского края, которые помогут нам попытаться решить проблему, обозначенную в заглавии данной статьи.

Для начала вернемся к материалам диалектологии. Интерес к вятским говорам возник впервые во второй половине XVIII – середине XIX в., когда были собраны и опубликованы первые собрания народной лексики, предприняты начальные опыты составления областного словаря, воплотившиеся во второй половине XIX в. в достаточно солидные издания словарей нескольких авторов, включая наиболее известный Н.М.Васнецова (Макарова Л.Н., Долгушев В.Г., 1998. – С.235-237). В это же

время были начаты научные исследования вятских говоров, опиравшиеся иногда не только на опубликованные материалы, но и на непосредственные полевые наблюдения, что особенно ценно.

Так, профессор Варшавского университета и член-корреспондент Петербургской академии наук М.А.Колосов, обследовавший в 1870-х гг. говоры и топонимику южной и центральной части Вятской губернии и сравнивший северные и южные говоры русского языка в целом, пришел к выводу о преобладании южных (точнее верхнеокских) особенностей в языке вятчан и связал происхождение последних с вятичами (Колосов М.А., 1976. – С.55-82). Эту точку зрения пытался развить профессор Казанского университета Е.Ф.Будде, который в 1896 г. исследовал говоры Нолинского района и проследил сходство вятского и приокского говоров (Будде Е.Ф., 1898). Вятичскую теорию заселения, впервые предложенную польским хронистом М.Стрыйковским в 1582 г. и бывшую весьма популярной в России до XVIII в. включительно, после открытия «Повести о стране Вятской» заменила новгородская гипотеза. Несмотря на безоговорочное отвержение вятичской версии, особенно жестко проявившееся на страницах одной из публикаций А.С.Верещагина (1904), вклад М.А.Колосова и Е.Ф.Будде в русскую диалектологию, в т.ч. и вятскую, достаточно значим (Макарова Л.Н., Долгушев В.Г., 1998. – С.237; Макаров Л.Д., 1992. – С.87-88). Относительно вятичского следа на Вятке необходимо иметь ввиду следующее. Во-первых, присутствие верхнеокской (приокской) лексики в вятских говорах современные лингвисты, кажется, не признают; во-вторых, обозначение вятчан вятичами, попавшее в вятский фольклор, а из него в публицистику, литературу и некоторые научные публикации (Низов В.В., 1997; 1998), не означает, что оба названия использовались изначально и на равных. Судя по всему, «вятичи» не фиксируются в летописях и других письменных источниках, а попадают в фольклор не ранее XVIII в., т.е. появляются в обиходе вятчан очень поздно, и, может быть, из литературы – того же «Синопсиса» И.Гизеля и «Ядра Российской истории» А.И.Манкиева (Верещагин А.С., 1904. – С.180-182), хотя А.С.Верещагин связывает распространение «вятичей» с публикацией М.А.Колосова (там же. – С.183). А.В.Эммаусский допускает вероятность появления этого названия с переименованием в 1780 г. г. Хлынова в Вятку в разговорной речи, а затем в литературе (Эммаусский А.В., 1974. – С.31-32). В-третьих, в археологических материалах Вятской земли обнаружены вещи из области расселения вятичей. В их числе: наиболее характерная для них винтообразная бусина синего цвета XII-XIV вв., хотя достаточно популярная и у новгородцев (Арциховский А.В., 1930. – С.140; Колчин Б.А., 1982. – С.169. – Рис.6; Щапова Ю.Л., 1972. – С.76. – Табл.5); фрагмент лопастного височного кольца XI-XIII вв., украшенный циркульным орнаментом (Седова М.В., 1981. – С.13; Седов В.В., 1982. – С.149. – Табл.XLIV); нательный крест с сечкообразными концами и изображениями ажурного креста в центре средокрестия и крестиков по концам осей, близкий по форме кресту из Старой Рязани первой трети XIII в. (Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. – С.225. – Рис.2-7), а по орнаменту – предмету из Саратовского музея (Спицын А.А., 1914. – С.100. – Рис.27). Таким образом, есть некоторые основания полагать о вероятности проникновения на Вятку окских вятичей (Макаров Л., 2006а. – С.134. – Рис.3-1,5,9).

Критическая реплика А.С.Верещагина в адрес Д.К.Зеленина, высказавшегося в пользу участия в ранней колонизации Вятского края псковичей (Верещагин А.С., 1904. – С.232-233), вызвала ответную реакцию ученого, в которой он весьма убедительно отстаивает свою позицию (Зеленин Д.К., 1904а. – С.2). Думается, что близость новгородского и псковского диалектов, их общая праславянская подоснова (Седов В.В., 1999. – С.158-165, 257) вполне допускает правоту взгляда Д.К.Зеленина. Это тем более справедливо, что в своих изысканиях он опирался на чрезвычайно широкий круг источников по диалектологии, фольклористике, этнографии, истории (Макаров Л.Д., 1992. – С.88) и оставил после себя громадное наследие по изучению многих регионов страны. Немало проблем им было поставлено впервые, например, он первым разработал научную классификацию вятских говоров (Головина Э.Д., 1998а. – С.8-10). Д.К.Зеленин очертил этнографическую границу собственно вятчан, при этом он отрицал участие вятичей в происхождении первых вятчан, скептически отнесся к утверждениям о заселении региона со стороны Новгорода и Вологды (Зеленин Д.К., 1904б. – С.9-16; его же, 1904в. – С.124-127) и преобладающей считал ростовскую колонизацию (Зеленин Д.К., 1913. – С.442). Его предшественник, академик А.И.Соболевский, отметив особенности вятских говоров, пришел к заключению: «Древний (XIII-XIV вв.) говор Белозёрского края может считаться предком вятского говора» (Соболевский А.И., 1906. – С.85).

Дальнейшая разработка проблем вятских говоров связана с именами Н.М.Каринского, его учеников и последователей (Е.В.Матвеева, Е.П.Луппова, Е.Д.Герке, Е.Н.Каринская, А.Г.Мильчакова-Ивакина, Е.Н.Матвеева, Б.С.Лукаш, Б.А.Ларин, Н.П.Гринкова, Л.И.Горева, Л.Н.Макарова, В.И.Троицкий, О.Л.Трофимова, В.В.Симонов, С.А.Оленина, А.Д.Прозорова, В.Г.Пленков, В.В.Андреев, И.Д.Самойлова, Ф.Д.Перевозчикова, Р.С.Овчинникова, Б.А.Никулин, Э.Д.Головина, В.Г.Долгушев, Н.В.Агафонова, Е.Н.Мошкина и др.) (Макарова Л.Н., Долгушев В.Г., 1998. – С.239-244; Головина Э.Д., 1998а. – С.10-12). По современным представлениям, основное ядро русских переселенцев на Вятку в ранний период составили выходцы из новгородских и ростово-суздальских земель, вступившие здесь во взаимодействие с местными финно-уграми-удмуртами и коми, а на юго-западной окраине – с марийцами. Следствием этих контактов сложившийся на Вятке говор стал существенно отличаться от языка метрополии. Специалисты выделяют 4 группы говоров Вятского края: котельничско-вятские (в границах древней Вятской земли), верхнекамские (резко отличающиеся от первых значительным влиянием пермских, особенно коми, говоров), южных районов (близкие первым, но со своей спецификой), акающие говоры бывшего крепостного заводского населения, перемещенного из Тверской и Калужской губерний на местные заводы. Наиболее древняя группа – котельничско-вятская – состоит из двух подгрупп, отличающихся особенностями в системе согласных: а) собственно вятская (говоры бывших Вятского и Слободского уездов); б) котельничская (бывших Котельничского, Орловского и, частично, Яранского уездов). Пожалуй, главное их отличие – «цоканье» в вятской части говора и «чоканье» – в котельничской. Именно вятские говоры сохраняют некоторые архаичные древнерусские языковые явления, в частности лексику, в которой до сих пор бытуют очень древние слова, находящие аналоги в памятниках древнерусской и даже старославянской письменности (Троицкий В.Н., 1962; Макарова Л.Н., 1962; ее же, 1974; ее же, 1998; Долгушев В.Г., 1998).

Несмотря на недостаточную изученность вятской ономастики, некоторые материалы дают основание делать выводы о происхождении русских переселенцев. В частности, по данным антропонимики в документах XVII в. на Вятку мигрировали преимущественно выходцы из различных северно-русских земель (Белозерье, бассейны Сухоны, Ваги, Юга, Вычегды, Вохмы, Галича, Сев. Двины, Пинеги, Мезени, Лузы и др.) – т.е. с территории бывших земель Новгорода Великого и Ростово-Суздальского княжества, входивших в данном столетии в состав Архангельской, Вологодской, Устюжской, Костромской земель. Вятская топонимия, к сожалению, мало что дает в плане решения вопросов об истоках и хронологии русской колонизации края. Так, названия селений (ойконимы) лишь иногда дают основания видеть за ними переселенцев, например, из одноименных населенных пунктов Новгородской, Псковской и Витебской губерний, Устюжской, Нижегородской и даже Киевской земель. Что касается гидронимов, то среди восточнославянских, русских наименований рек и прочих водных объектов наиболее древними являются названия с суффиксом –ица (Боровица, Быстрица, Мостовица, Просница, Хлыновица, Черняница и мн. др.), хорошо известные в севернорусских и низовских землях (Головина Э.Д., 1998б). Само название «Вятка» ряд ученых связывает с древними балто-славянскими корнями (Макарова Л.Н., 1992. – С.7-8).

Данные археологических раскопок древнерусских памятников Вятского края также позволяют в какой-то мере установить происхождение первых русских поселенцев.

Надо отметить, что еще до появления в регионе выходцев из Древней Руси с ее территории в бассейн Вятки и Верхней Ветлуги начинают поступать отдельные украшения, орудия труда, оружие и бытовые вещи X-XII вв., осевшие в погребениях аборигенных могильников (Черемисское кладбище, Веселовский, Юмский, Стрижевский, Кочергинский, Лопьяльский, Буйское погребение) (Лещинская Н.А., 1994. – С.96-100. – Рис.20-23; Макаров Л.Д., 1997. – С.41-42. – Рис.3). В их числе оказались: пластинчатые широкосрединные перстни X-XI вв., вятичский решетчатый перстень XII в., кривичские височные кольца с завязанными концами X – начала XII в. (Седова М.В., 1981. – С.10, 129-130. – Рис.2-8,9; 45-26; 46-1,2,6-10), грушевидные крестопрорезные бубенчики XI – середины XII в., возникшие на Руси и распространившиеся в лесной полосе Восточной Европы (Макаров Н.А., 1990. – С.77. – Табл.XIII-17,18,20,21 и сл.). В основном с Северо-Западом связывается происхождение полых уточек (Рябинин Е.А., 1981. – С.35-38. – Рис.3. – Табл.XVIII), орнаментированных костяных складных расчесок (Давидан О.И., 1962. – С.103-108). Плоская подвеска-конёк «мерянского» типа датиру-

ется второй половиной X – началом XII в. (Рябинин Е.А., 1981. – С.32-35, 75-78. – Рис.3, тип XVII. – Табл.XVI-3-6), аналогичные коньки хорошо известны на памятниках Волго-Окского междуречья. Со скандинавско-прибалтийским миром связано производство подковообразных фибул конца IX – середины XII в. (Седова М.В., 1981. – С.86,88. – Рис.30-6,9; 31-12). Лировидные пряжки, появившись в X-XI вв. на Востоке, широко распространились на территориях Поволжья и Прикамья, а также и на Руси, в т.ч. и в Новгороде в слоях XI-XII вв. (Седова М.В., 1981. – С.144. – Рис.56-1,2). В X-XI вв. известны железные боевые топоры-чеканы типа I и топоры с выемкой и опущенным лезвием финно-русского развития (Кирпичников А.Н., 1986. – С.33-38. – Рис.6).

Вслед за импортом на Вятке появляются и колонисты. Выше рассмотрены данные диалектологии, ономастики, этнографии, антропологии, позволившие установить истоки исхода первых поселенцев в Вятский край – земли Новгорода Великого и Ростово-Суздальского княжества. Кроме того, замечены вероятные включения потомков псковских и смоленских кривичей и окских вятичей. Теперь обратимся к археологическим материалам русского населения Вятской земли. За полвека исследований силами археологов (Л.П.Гуссаковский, Л.М.Еговкина, И.И.Стефанова, И.С.Вайнер, Л.Д.Макаров, Н.А.Лещинская, Л.А.Сенникова, В.В.Ванчиков, Е.А.Кошелева, Н.Е.Соколова, И.Ю.Трушкова) накоплен внушительный фонд вещественных источников, обобщение которых проведено автором в двух диссертациях (Макаров Л.Д., 1985; его же, 2006б. – С.152-354. – Рис.1-3, 35-205). Наряду с традиционной методикой обработки материалов (типологией, классификацией и т.п.) автор попытался выявить истоки их поступления на Вятку. Однако сделать это оказалось достаточно сложно, т.к. выявить древнерусские территории – экспортёры древних вещей удавалось далеко не всегда, ибо большинство предметов имели уже общерусский характер, поскольку колонизация бассейна Вятки все же началась достаточно поздно – не ранее второй половины XII в. (Макаров Л., 2006а. – С.131-132; его же, 2008. – С.22-23).

Итак, наибольшее число находок имеет общерусское происхождение. Остановимся на тех артефактах, истоки которых все же вполне определимы. Значительное количество предметов имеет новгородское происхождение. Среди них (Макаров Л., 2006а. – Рис.2-1-8,11) сфрагистические находки: обломок вислой свинцовой печати с фрагментами надписей на обеих сторонах, аналогичной, с точки зрения В.Л.Янина, лично видевшего предмет, тиунским буллам Новгорода XIV в. (Янин В.Л., 1970. – №441); вторая печать была неопределима – согнута пополам и смята; печать-матрица из серебра с позолотой с зеркальной надписью «Печать Григориева» и фигуркой архангела на обороте. Аналогичные изделия с изображением архангела найдены в Новгородской земле, а одно из них в Новгороде в слое XII в. (Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямщиков С.В., 1985. – С.56. – №70; Федюшев К.В., 1994. – С.240-241. – Рис.2). Палеография надписи позволяет датировать находку рубежом XIII-XIV вв. В числе украшений: зонная бусина темно-серого (черного?) стекла XI – первой половины XIII в. (Колчин Б.А., 1982. – С.169. – Рис.6); печатные перстни с овальными и круглыми печатками с зигзагообразным орнаментом, известные по находкам в Новгородской земле второй половины XIV – первой половины XV в. (Седова М.В., 1981. – С.135-136. – Рис.51-16) и попавшие на Вятку и в Казанской ханство (Фахрутдинов Р.Г., 1984. – С.95. – Рис.4-1); пластинчатый перстень без утраченной вставки с расходящимися от нее лучами аналогичен находкам из курганов словен новгородских (Седов В.В., 1982. – С.178. – Табл.LIV-31); фибулы из плоских колец, соединенных перемычками также известны в Новгороде середины XII – конца XIV в. (Седова М.В., 1981. – С.89). Кроме того, отметим свинцовый грузик с орнаментом в виде 6-конечной звезды с радиальными лучами из ее углов, аналогичный изделиям XIV-XV вв. (Седова М.В., 1981. – С.156-158. – Рис.62-30-32). Крест-тельник с орнаментом-плетенкой также мог попасть из Новгорода, где в слоях начала и середины XV в. обнаружены два подобных изделия, очевидно здесь, но в более раннее время, и возник центр по изготовлению этого типа тельников, откуда они попали в Латвию, на Вымь и Вятку (Седова М.В., 1981. – С.55. – Рис.16-21). Другие находки, отнесенные ранее автором к числу новгородских, на самом деле имели более широкий ареал (ромбовидный наконечник стрелы «новгородского» типа, деревянная посуда, изготовленная на токарном станке), либо отнесены к таковым преждевременно (браслетообразное височное кольцо) (Макаров Л., 2006а. – С.133. – Рис.2-9,10,12,13).

Ряд находок из Северной Руси и Волго-Окского междуречья трактуется как славяно-финские (Макаров Л., 2006а. – С.134. – Рис.1-13,14,16-19). В их числе: глазчатая цилиндрическая желтого цвета бусина XI – первой половины XIII в. (Колчин Б.А., 1982. – С.168. – Рис.6; Иванова М.Г., 1992. – С.48. – Рис.16-43-47); фрагменты бусин от многобусинных височных колец, бытовавших у финского (водского) населения Водской Пятины в конце XIII – начале XV в. (Седов В.В., 1953. – С.193-195; Седова М.В., 1981. – С.14, 16. – Рис.2-10,11), а также попавших, по-видимому, вместе с носителями в Костромское Поволжье, на Лузу и Вятку (Археология, 1997. – С.668-671), серьги в виде знака вопроса, пришедшие на Русь в начале II тыс. н.э. с Востока (кочевники, Волжская Болгария, Золотая Орда), бытовавшие у славян в XIV-XV вв. на многих древнерусских памятниках, в том числе в Новгороде, у финнов Северо-Запада, и в других землях (Седова М.В., 1981. – С.16. – Рис.3-1,2,9), а в более позднее время распространившиеся среди поволжских финнов и пермян; перстни с гладкой печаткой шестиугольной формы были характерны для Костромских курганов XII-XIII вв. (Недошивина Н.Г., 1967. – С.262. – Рис.31-9); плоская подвеска-уточка XII-XIII вв. и полая биконьковая подвеска XII-XIV вв. были популярны у населения Северной Руси и финно-пермян вычегодского и камского бассейнов, причем изготовление их было связано, вероятно, с Новгородской землей (Голубева Л.А., 1979. – С.23, 41. – Табл.7-13,15; 15-6; Рябинин Е.А., 1981. – С.18,19,40-43. – Табл.VI-3,5-7; XXI-2,3,5-7. – Рис.3,4,12).

Упомянутое выше браслетообразное височное кольцо из раскопок древнего Никулицына, безусловно, связано своим происхождением с Ростово-Суздальской землей, хотя имеет одну деталь – один отогнутый конец, что отмечено как этноопределяющий признак древнемарийского украшения (Архипов Г.А., 1973. – С.10; Седов В.В., 1999. – С.153). Речь шла об изделиях, обнаруженных в погребениях Марийского Поволжья X-XIII вв., однако имевших существенное отличие – концы их были заходящими и иногда перевитыми проволокой (Архипов Г.А., 1973. – С.19. – Рис.16-90; его же, 1984. – С.119. – Рис.8-19-22; Никитина Т.Б., 1990. – С.81-82. – Рис.1-4; ее же, 2002. – С.98. – Рис.24-1-6; 56-19-22). Известно, что браслетообразные кольца с заходящими и завязанными концами – этноопределяющие женские украшения смоленско-полоцких кривичей в X-XIII вв. (Седов В.В., 2002. – С.386-388). Кроме того, в новгородских слоях середины XI и середины XIII в. обнаружены такие же кольца - с заходящими концами, один из которых отогнут в обратную сторону. Аналогичные предметы известны в курганах северо-западных областей Новгородской земли и с территории кривичей (Седова М.В., 1981. – С.10). Эти материалы, на мой взгляд, опровергают вывод об отнесении колец с одним отогнутым концом к этническим маркерам марийского этноса. К таковым можно, по-видимому, отнести похожие изделия с отогнутыми концами, но завершающимися утолщениями или многогранниками (Никитина Т.Б., 1999. – С.181. – Рис.10-1-5). Поэтому называть височное кольцо из Никулицына марийским (Никитина Т., 2006. – С.125) нет веских оснований.

Имеется группа находок, изготовленных на территории Южной Руси, преимущественно на Киевщине (Макаров Л., 2006а. – С.134-135. – Рис.3-7,11-15): единственное на Вятке пряслице из овручского шифера XI-XIII вв. (здесь было налажено свое производство пряслиц из местных сланцев); створки энколпиона с мелкими рельефными изображениями, прямыми углами средокрестия и клеймами на закругленных концах осей и зеркальными славянскими надписями (тип VII.1, вариант 1 – самый распространенный вариант (256 экз.) группы VII, отлитый в сотнях экземпляров в одной литейной форме в Киеве в 30-е годы XIII в. (Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. – С.202. – Табл.130-94); фрагмент стеклянного браслета сегментовидного сечения синего цвета с желтым орнаментом византийского (или его причерноморских провинций) производства XII-XIII вв., попавший на Вятку, вероятно, через Киев (Полубояринова М.Д., 1963. – С.175-178; Щапова Ю.Л., 1972. – С.109-110. – Рис.19-1,4,8-10. – Табл.13; ее же, 1998. –С.104-110); щитковосрединный перстень с геометрическим орнаментом: щиток украшен ромбами с крестом в центре и растительными побегами по углам поля; на боковых плоскостях – узоры в виде «андреевского флага»; похожие перстни X-XIII вв. обнаружены в Киеве (Макарова Т.И., 1986. – С.39-42. – Рис.15-50,51,57), а сами принципы орнаментации и аналогичное сочетание растительных и геометрических мотивов в целом присущи украшениям Древней Руси XII-XIII вв. (Равдина Т.В., 1978. – Рис.1,3; Седова М.В., 1981. – С.115). Плоский клиновидный наконечник стрелы с длинной шейкой и упором X-XIII вв. (тип 61 по А.Ф.Медведеву) имеет южнорусские корни, хотя известен и севернее (Медведев А.Ф., 1959. – С.165. – Рис.13-14; его же, 1966. – С.73).

Конечно, часть находок могла попасть на Вятку в качестве товара, но другие появились вместе с их владельцами, в т.ч. и с территории Южной Руси. Помимо древних находок этнографическим признаком переселенцев является жилище. Наряду с обычными для таежной полосы Восточной Европы, в частности, для Вятского края, наземными избами, которые с XV в. становятся здесь единственным типом жилищ, в предшествующий период (XIII-XIV вв.) встречаются и углубленные жилые помещения. На поселениях Вятской земли выявлены остатки 21 такой постройки – 1 землянка полного профиля (глубиной до 2 м, размером 4х4 м) и 20 полуземлянок. Последние делятся на две группы: 1) подквадратные, со стороной от 4 до 6 м (4 сооружения), и 2) 16 двухкамерных (жилое и входное помещения размером 1,7-2,5 м в поперечнике) (Макаров Л.Д., 2006в). Происхождение углубленных жилищ северных районов Руси, как правило, связывают с выходцами из Южной Руси (Раппопорт П.А., 1975. – С.166-167). И это мнение подтверждается реальными наблюдениями. П.А.Раппопорт отмечает, например, что в ряде случаев в севернорусских полуземлянках «даже находили вещи киевского происхождения» (там же. – С.166). Ученый заметил единственное отличие полуземлянок XII-XIIIвв. в лесостепи и в лесной зоне – увеличение в последней глубины котлованов жилищ на Оке и Клязьме до 1 м, а в Городце-на-Волге – до 1,8 м (там же. – С.128). Напомню, что землянка конца XIII – начала XIV в. на вятском Никульчинском городище (см. выше) имела глубину до 2 м (Макаров Л.Д., 2001. – Рис.28-А). 4 подквадратные полуземлянки XIII – начала XIV в. со стороной 4-6 м с этого же городища имели подпольные и хозяйственные ямы, что зафиксировано в ряде аналогичных жилищ Древней Руси XII-XIII вв. (Раппопорт П.А., 1975. – С.129). Двухкамерные постройки Вятской земли этого же времени по многим признакам (печи-каменки на полу слева от входа в двух и глинобитные печи в дальнем от входа углу в четырех, причем три из них на полукруглых останцах, одна – на деревянном опечке; вырезанные в материке 1-2 ступени; следы остатков обугленных стен и пола в одном из жилищ) (Макаров Л.Д., 2006в. – С.112-113) аналогичны постройкам Южной Руси (Ляпушкин И.И., 1958. – Табл.I; Раппопорт П.А., 1975. – С.142), но более всего – полуземлянкам Владимиро-Суздальского княжества (Дубынин А.Ф., 1945; Медведев А.Ф., 1968. – С.33; Седова М.В., 1978. – С.22-36), Волжской Болгарии и Золотой Орды (Полубояринова М.Д., 1978. – С.79-80; ее же, 1993. – С.58-66,73; Макаров Л.Д., 2001. – Рис.6-8).

Своеобразными сооружениями были клети оборонительных стен, использовавшиеся на Руси иногда в качестве жилых помещений. «Жилые стены» впервые появились на южнорусской территории в домонгольское время (Раппопорт П.А., 1975. – С.131-132; Археология, 1986. – С.379-381), а с XIII-XIV вв. распространяются севернее, вплоть до Русского Севера (Овсянников О.В., 1982; Макаров Л.Д., 1984. – С.73-79). Аналогичные клети исследовались и на нескольких вятских городищах, при этом на двух из них – Ковровском и Подчуршинском – выявлены бесспорно жилые помещения. На первом – одно (из 10 зафиксированных), на втором – 4 (из 6). Не исключено, что фрагмент одного такого жилища обнаружен и под валом Хлыновского кремля, как часть одной из «храмин», стоящих «задними стенами ко рву», упомянутых в «Повести о стране Вятской» (Макаров Л.Д., 2005. – С.114. – Рис.8). Клети Ковровского городища представляли собой отсеки срубной стены шириной 4-5,5 м (она неоднократно перестраивалась, при этом размеры ее менялись), между которыми врубались перегородки на расстоянии 1,5-4 м друг от друга. В одной из клетей, имевшей длину 4 м при ширине не менее 2 м, располагалась подпольная яма размером 4х1,2-2 м с более углубленной (52 см от уровня фиксации) северной половиной, в верхней части заполнения которой обнаружено светло-розовое пятно суглинка (125х115х14 см) и несколько крупных необожженных камней – остатки распавшейся глинобитной печи. В заполнении ямы найдено значительное число фрагментов древнерусской керамики, несколько черепков болгарской посуды, кости животных, железные предметы (2 ключа, плотницкая черта, наконечник стрелы, нож), фрагмент янтарной вещи, обломок бронзового перстня с круглой печаткой, украшенным зигзагообразным орнаментом второй половины XIV – первой половины XV в. (см. выше), оборотная створка бронзового энколпиона типа VII.4, вариант 1 (Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. – С.218-219. – Табл.147-6) со сглаженными изображениями Распятия с предстоящими и архангелами в клеймах на округлых концах, предположительно XIII-XIV вв. На Подчуршинском городище ширина срубных стен составляла 5 м, ширина отсеков – 3,8-5,75 м. В трех из них располагались жилые помещения с подпольями овальной формы, в которых обнаружены кус-

ки печины и отдельные находки. Четвертое помещение, самое крупное по площади, использовалось и как хозяйственное, и как жилое, среди находок – упомянутые выше створки энколпиона, отлитого в Киеве в 1230-х гг. (Макаров Л.Д., 1995. – С.38-39. – Рис.8-11; его же, 2001. – С.16. – Рис.39; 40). Таким образом, как некоторые типы полуземлянок, так и «жилые стены» с соответствующими находками позволяют считать вполне реальной миграцию на Вятку выходцев из Южной Руси – или непосредственно оттуда, или после некоторого проживания их сначала в бассейне Оки (в т.ч. среди вятичей) и Волго-Клязьминском регионе с последующим переселением на Вятку, вероятнее всего, вследствие нашествия монголо-татар, вызвавшем отток населения в глухие и малодоступные окраины.

Чрезвычайно важный момент – установление этнической принадлежности населения Вятской земли в период до появления здесь выходцев с территории Древней Руси. Письменные источники отвечают на этот вопрос весьма скупо. Например, общерусские летописи практически вообще не дают какой-либо информации о местном населении (Макаров Л.Д., 2010). Местные вятские памятники письменности содержат некоторые сведения об аборигенах края, с которыми встретились русские колонисты. В их числе «Сказание о вятчанех» (СВ), список старшей редакции которого, обнаруженный Д.К.Уо в составе рукописного сборника, был написан, очевидно, между 1679 и 1698гг. (Мусихин А.Л., 1999. – С.383; Уо Д.К., 2003. – С.215-217). СВ сообщает о постройке беглыми новгородцами в 1181 г. городка на Средней Каме, уходе половины их вверх по Каме до верховьев Чепцы, где они какое-то время проживали, последующей миграции вниз по реке до ее устья и далее вниз по Вятке до Болванского городка, защитники которого – «отяки и чудь» – оказали сопротивление, но были изгнаны новгородцами, построившими «град Микулицын». Вторая половина новгородцев, получившая известие об успехе товарищей, поплыла вниз по Каме до устья Вятки, а затем вверх по ней до городка Кокшарова и захватила его (Уо Д.К., 1997. – С.348-349). Этнический состав защитников последнего и какая-либо связь его с Котельничем в СВ не показаны. Однако в предшествующей СВ статье, являющейся как бы кратким содержанием СВ, резюмируется, что «...приидоша новгородцы на Вятку и в той Вятской земли насельницы быша, отяцкие грады взяша и инии грады поставиша» (Там же. – С.348). Данный источник является, по общему убеждению, основой «Повести о стране Вятской» (ПСВ), созданной в начале XVIII в. С.Ф.Поповым, сведения которой более многословны, но для раннего периода вятской истории в некоторой степени путанны, хотя содержат и новые чрезвычайно важные факты.

Сведения об аборигенах Вятского края содержат описания иностранцев XVI-XVII вв. Так, С.Герберштейн, А.Дженкинсон и Н.Витсен достаточно подробно характеризуют язык, обычаи, религию, занятия и быт местного финно-угорского населения (Макаров Л.Д., 1987. – С.43). Особенно значимые данные приводит в своей книге «Северная и Восточная Татария» (1692, 1705, 1785) голландский дипломат, государственный и общественный деятель Н.К.Витсен. Он останавливается на описании нерусских жителей Вятской земли, причем указывает на проживавших близ городов «черемисов», что, конечно, нельзя понимать буквально, поскольку в другом месте пишет, что «черемисы в области Вятки устраивали частые грабежи». Местом же обитания черемисов он называет территорию между Нижним Новгородом, Вяткой, Вологдой и Камой, по обе стороны Волги, отмечая при этом, что «черемисы были там (имеется в виду район Казани – Л.М.) исконными жителями уже до того времени, когда магометанские татары (...) туда поселились». Удмуртов в своей книге Витсен прямо не упоминает, поэтому иногда они фигурируют, видимо, под именами «черемисов», но в основном «язычников», которым «здесь не разрешено жить в городах с русскими, почему они и живут вокруг них, (...) некоторые из них христиане, остальные язычники». В пользу отнесения этих данных к удмуртскому этносу говорит и описание верований, в т.ч. особенности жертвоприношений и одного из воршудов, которые близки таковым из этнографических материалов XIX-XX вв. (Витсен Н., 1705. – Перевод. – С.2054-2057; 2431-2433; Макаров Л.Д., 1987б. – С.52-54).

В науке Волго-Уральского региона более или менее стабильно бытует мнение о соотнесении «отяков» с удмуртами, «чуди» с коми, «черемисов» с марийцами.

О конкретном расселении этих народов на карте региона можно судить по данным переписей, топонимики и народным преданиям. В частности, достаточно подробные сведения содержат материалы грамот второй половины XVI в. и переписей конца XVI-XVIIвв., в которых, к сожалению,

очень редко указывалась национальность жителей. П.Н.Луппов в свое время проанализировал эти источники и установил, что удмурты, в том числе уже и обрусевшие, проживали на территории почти всей Вятской земли, начиная от г.Котельнича до Верхней Вятки и низовьев Чепцы. Кроме удмуртов в восточной части Вятской земли, преимущественно на Чепце, зафиксированы бесермяне и татары. Нерусская принадлежность жителей выявлялась по их языческим и мусульманским именам, фамилиям, прозвищам, местным топонимам, причем всякий раз ученому приходилось учитывать особенности зафиксированных данных (Луппов П.Н., 1958. – С.33-37). Былое проживание удмуртов на Вятской земле прослежено М.Г.Атамановым по данным ономастики (Атаманов М.Г, 1983; его же, 1988; его же, 1997; его же, 2010. – С.64-74, 318-368).

По историческим данным XVI-XIX вв., лингвистике, ономастике северо-восточные окраины Вятской земли (верховья правых притоков Вятки, ее верховья, Верхокамье) были заселены коми-пермяками, в настоящее время почти повсеместно обрусевшими, что привело к возникновению особых кайских и верхокамских чокающих говоров (Макарова Л.Н., 1974. – С.48-52. – Карта; Макаров Л.Д., Иванов А.Г., 1999а; их же, 1999б; Макаров Л.Д., 2009). Данная группа населения еще сравнительно недавно помнила своих «чучких» предков (Макаров Л.Д., 2004. – С.49).

Расселение марийцев («черемисов») на юго-западной окраине Вятской земли также требует своего изучения. Если восточная граница более или менее установлена (по р.Вятке, иногда переходя на левый ее берег), то северная линия размещения марийских поселений до сих пор вызывает споры, и разные авторы дают свои версии. Так, И.С.Галкин, основываясь на картографии топонимов и гидронимов с формантом –нер (-нар), проводит северную границу «по линии Котельнич-Ветлуга-Макарьев» (Галкин И.С., 1967. – С.208-210). Л.Н.Макарова, со ссылкой на эту же работу и на статью Б.А.Серебренникова в том же сборнике (Серебренников Б.А., 1967. – С.178) с указанием и других марийских формантов, пишет, что «на севере граница расселения мари доходила до линии Киров-Котельнич» (Макарова Л.Н., 1974. – С.45. – Карта). Здесь же дана ссылка на книгу И.Н.Смирнова «Черемисы» (1889) с перечнем формантов, сильно отличающимся от списка Серебренникова (там же. – С.44-45), причем, по сообщению Смирнова, «в 60 селениях Котельничского у. с марийскими наименованиями марийцы совершенно исчезли» (там же. – С.45). Складывается впечатление, что речь шла о названиях в южной половине Котельничского и Орловского уездов, т.е. по левому берегу Вятки и к югу от Котельнича до Пижмы. Во всяком случае, просмотр списков названий северной половины этих уездов по данным переписей XVII – начала XX в. (бассейн р.Моломы) показал абсолютное преобладание русских названий, и дал лишь несколько удмуртских ойконимов и гидронимов, и всего два марийских этнонима (см. ниже) (Головина Э.Д., 1998а. – С.20-72; ее же, 1998б. – С.27).

Карта расселения марийцев в середине XVI – начале XVII в., составленная, очевидно, по различным источникам, показывает, что северная граница их ареала располагалась в междуречье Пижмы и Вятки, не достигая Котельнича (Егоров А.В., 2010). Археологическая карта памятников XVI-XVII вв. дает северный предел обитания марийцев к югу от Пижмы (Никитина Т.Б., 2002. – Рис.80; ее же, 2005. – Рис.10). В середине XIX в. картина расселения марийцев почти не изменилась, если судить по карте Риттиха 1870 г. (Никитина Т.Б., 2002. – Рис.81).

Важнейшим источником по этнической истории региона являются археологические объекты. К сожалению, археологических памятников дорусских обитателей Вятского края XII-XV вв. крайне мало. В их числе 4 ямы на Никульчинском городище, 1 – на Ковровском, 2 жилища на поселении Искра, маломощные культурные напластования на Вятском, Кривоборском, Скорняковском, Пижемском городищах, отдельные находки на других древнерусских памятниках и ряд местонахождений (Лещинская Н.А., 1995. – С.6-9; Макаров Л.Д., 2001. – С.13-14. – Рис.27-Б). Поэтому пристальное внимание привлекают собственно древнерусские находки, особенно керамика. Именно глиняная посуда, как материал массовый, позволяет выходить на этнические проблемы. Наряду с обычной для славян керамикой, сформованной из глины с примесями песка или дресвы (72,7%), на Вятке обнаружен весьма заметный процент посуды с примесями в тесте органических и комплексных добавок. В числе последних – толченая раковина с добавками сухой глины и (или) песком (17,4%), свидетельствующая в пользу пермской (прикамской) традиции, что говорит о вероятном участии в гончарстве представителей коми-пермяцкого и удмуртского этносов. Гораздо реже обнаруживалась посуда с примесью

шамота, иногда с добавлением песка или раковины (1%), что, возможно, связано с поволжско-финской (марийской) традицией. Две последние группы и составили категорию «славяноидной» (или «славяно-финно-пермской») керамики. Наша версия была подвергнута критике марийскими коллегами (Никитина Т.Б., 2006; ее же, 2008; Никитина Т.Б., Михеева А.И., 2006. – С.103-111, 136-137), сделавшими вывод о принадлежности «славяноидной» керамики всех трех регионов (Марийско-Чувашское Поволжье, Волжская Болгария, Вятская земля) марийскому этносу.

В ответных публикациях автор обратил внимание на ошибки и заблуждения оппонентов (Макаров Л.Д., 2007). Во-первых, вывод Т.Б.Никитиной о преобладании «славяноидной» керамики в юго-западной части Вятской земли, т.е. близ устья Моломы (Никитина Т.Б., 2006. – С.124-125), ошибочен: памятники с такой посудой разбросаны по всей территории региона (Рис.1). Во-вторых, абсолютное преобладание в этой керамике примеси раковины, характерной для Прикамья со времен ананьинской общности, свидетельствует о пермском компоненте на древнерусских памятниках Вятской земли. В-третьих, ссылка на работу М.Г.Атаманова с указанием единственного удмуртского топонима в Котельничском уезде («поч. Зоновский») связана с анализом лишь «списка населенных мест по сведениям 1859-1873гг.» (Атаманов М.Г., 1997. – С.54-55); между тем, в более ранних переписях 1629 и 1678гг. упомянуть и другие топонимы, связанные с удмуртским этносом: «поч. Чагаев (д.Чагаевская)», «р.Вотская», «поч. вновь над речкою Вотскою» (Головина Э.Д., 1998а. – С.25-27, 46). Во время полевых исследований микротопонимики выявлены: «Одеговская поскотина» (там же. – С.65). Впрочем, на этой территории зафиксированы и марийские этнонимы: «д.Черемиса», «Черемисский колодец» (там же. – С.35, 62). По-видимому, число соответствующих этнических названий можно увеличить после дополнительных исследований источников.

Таким образом, современное коренное русское население Вятского края сформировалось преимущественно из выходцев с территории Русского Севера и Волго-Окского междуречья, бывших когда-то владениями Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества. Это не исключает, разумеется, и относительно небольших вкраплений переселенцев из Псковской земли, Рязанского княжества и южнорусских территорий. Вместе с тем, какая-то часть пришельцев состояла из обрусевших финнов. С течением времени аборигенное пермское население и незначительное число поволжских финнов юго-западной окраины Вятской земли были вовлечены в процессы аккультурации и постепенно обрусели, пополнив русское население региона, либо мигрировали на территории их современного проживания. Следы былого обитания аборигенов на Вятке обнаруживаются в говорах, ономастике и антропологическом облике современных коренных вятчан, давно ставших русскими.

Литература и источники:

Археология Республики Коми. – М.: Изд-во «ДиК», 1997.

Археология Украинской ССР. – Киев: Наукова думка, 1986. – Т.3.

Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв.: К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола, 1973.

Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. – Йошкар-Ола, 1984. – (АЭМК. Вып.8). – С.113-159.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. – М.: РАНИОН, 1930.

Атаманов М.Г. Удмуртские топонимы бассейна Вятки // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1983. – №2. – С.115-125.

Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск: Удмуртия, 1988.

Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997.

Атаманов-Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 2010.

Будде Е.Ф. К вопросу о народности русского населения в Вятской губернии // ИОАИЭ. – Казань, 1898. – Т.14. – Вып.2. – С.188-194.

Верещагин А.С. Из истории древнерусской Вятки // ПККВГ на 1905 год. – Вятка, 1904. – Отд.2. – С.179-233.

Витов М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. – М., 1997а. – (Народы России).

Витов М.В. Этнография Русского Севера. – М., 1997б. – (Библиотека российского этнографа).

Витсен Н. Северная и Восточная Татария. – Амстердам, 1705. – Черновой перевод с голландского В.Г.Трисман // Архив ИЭ РАН (Кунсткамера). – Ф. К-V. – Оп.1. – №138-140. – С.1893-2457.

Галкин И.С. Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1967. – С.203-210.

Головина Э.Д. О вятской речи. Избранные статьи. – Киров: Вятский гос. пед. ун-т, 1998а.

Головина Э.Д. Вятская ономастика // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. – Киров, 1998б. – Т.8. Этнография, фольклор. – С.266-282.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. – М., 1979. – Вып.У1-59.

Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // АС. – Л., 1962. – С.95-108.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970-1978) // СА. – 1981. –№3. – С.218-232.

Долгушев В.Г. Лексика вятских говоров // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. – Киров, 1998. – Т.8. Этнография, фольклор. – С.257-266.

Дубынин А.Ф. Археологические исследования г.Суздаля (1936-1940 гг.) // КСИИМК. – М., 1945. – Вып.XI. – С.91-99.

Егоров А.В. Взаимоотношения русского и марийского этносов на юге Вятского края в XVI-XVII вв. // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – С.177-179.

Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII в. – Ижевск, 1992.

Зеленин Д.К. К вопросу о родине вятчан: (открытое письмо А.С.Верещагину) // ВГВ. – Вятка, 1904а. – Приложение. – №21. – 17 февраля.

Зеленин Д.К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: (этнографический и историко-литературный очерк) // ПККВГ на 1905 год. – Вятка, 1904б. – Отд.2. – С.1-52.

Зеленин Д.К. Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. – Юрьев, 1904в.

Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации. – СПб., 1913.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып.2 // САИ. – Л.: Наука, 1986. – Вып.Е1-36.

Колосов М.А. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия // Записки Академии Наук. – СПб., 1876. – Т.28. – Приложение 4.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М.: Наука, 1982. – С.156-177.

Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямщиков С.В. Древний новгород: Прикладное искусство и археология: Альбом. – М.: Искусство, 1985.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI-XIII вв. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р.Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск, 1994. – С.88-128.

Лещинская Н.А. Вятский бассейн в I – начале II тысячелетия н.э. (по археологическим источникам): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ижевск, 1995.

Луппов П.Н. Вводная статья // Документы по истории Удмуртии XV-XVII веков. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. – С.8-48.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. – М.; Л., 1958. - №74.

Макаров Л.Д. Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1984. – С.66-88.

Макаров Л.Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Дис. … канд. ист. наук. – Л., 1985.

Макаров Л.Д. Сведения иностранцев о Вятской земле // Молодые ученые XX съезду ВЛКСМ. – Ижевск, 1987а. – С.42-44.

Макаров Л.Д. Сведения Н.Витсена о финно-уграх Волго-Вятского междуречья // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция (тезисы докладов). – Устинов, 1987б. – II. – С.51-54.

Макаров Л.Д. История Вятской земли XII-XVI вв. в дореволюционной историографии // Актуальные проблемы историографии дореволюционной России. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1992. – С.81-95.

Макаров Л.Д. Окрестности пос.Первомайского в древности // Серкин С. Баллада о Чуршинском городище. Макаров Л. Окрестности пос.Первомайского в древности. – Слободской, 1995. – С.27-68.

Макаров Л.Д. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I – начале II тыс. н.э. (по материалам импорта) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (К 210-летию А.Л.Витберга). – Киров, 1997. – С.39-57.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв.: Учебное пособие. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001.

Макаров Л.Д. Вятская чудь и проблемы русской колонизации Прикамья // Герценка: Вятские записки: (науч.-попул. альм.). – Киров, 2004б. – С.46-51.

Макаров Л.Д. Археологическое изучение крепостных сооружений древней Вятки (г.Хлынова) // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. – Ижевск, 2005. – С.111-119.

Макаров Леонид. Связи Вятской земли в XII-XV вв. по археологическим материалам // Finno-Ugrica. – 2006а. – №9. – С.131-149.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV веках: Дис. … докт. ист. наук. – Ижевск, 2006б.

Макаров Л.Д. Русское жилище Вятского края XII-XIX веков (по данным археологии) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск: Издательский дом «Наука», 2006в. – С.111-116.

Макаров Л.Д. Еще раз об участии пермских финнов в формировании русского населения Вятского края // Пермские финны: археологические культуры и этносы. – Сыктывкар, 2007. – С.183-186.

Макаров Л.Д. О торговых связях Вятской земли в XII-XV вв. // Прозоровский альманах. – Киров: Изд-во «О-Краткое», 2008. – Вып.1. – С.22-38.

Макаров Л.Д. Этническая ситуация в чепецко-верхокамском регионе в XVI-XX вв. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып.VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2009. – С.197-203.

Макаров Л.Д. Вятская земля по летописным данным (конец XIV – начало XVI века) // Современные научные исследования: история, культурология, социальная философия: сб. научных статей. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – С.5-10.

Макаров Л.Д., Иванов А.Г. Из истории Карсовайского края // Стародубцева С.К. «Ох, роспечальное моё сердечко» (песни из репертуара Натальи Власовой). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999а. – С.206-223.

Макаров Л.Д., Иванов А.Г. Этнокультурная характеристика Карсовайского микрорегиона (к проблеме изучения этнической истории) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М.; Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999б. – С.174-176.

Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. – М.: Наука, 1990.

Макарова Л.Н. Некоторые особенности говоров северо-восточной части Кировской области (Кайского края) // Очерки по русскому языку. – Киров, 1962. – С.68-92.

Макарова Л.Н. О происхождении чоканья, цоканья в кировских говорах // Очерки по русскому языку. – Киров, 1974. – С.27-56.

Макарова Л.Н. Древние наименования города Кирова (Вятка-Хлынов) // Вятская земля в прошлом и настоящем (К 125-летию со дня рождения П.Н.Луппова). – Киров: Кировский госпединститут, 1992. – Том II. – С.5-8.

Макарова Л.Н. Фонетические, морфологические и синтаксические особенности русских говоров Кировской области // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. – Киров, 1998. – Т.8. Этнография, фольклор. – С.244-255.

Макарова Л.Н., Долгушев В.Г. Из истории исследования вятских говоров // Энциклопедия Земли Вятской: В 10 т. – Киров, 1998. – Т.8. Этнография, фольклор. – С.235-244.

Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. – М.: Наука., 1986.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. – М., 1959. - №65. – С.121-191.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел: VIII=XIV вв. // САИ. – М., 1966. – Вып.У1-36.

Медведев А.Ф. Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА АН СССР. – М., 1968. – Вып.113. – С.31-40.

Мусихин А.Л. «Повесть о стране Вятской» в документах вятских административных учреждений конца XVIII века // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова): Материалы Междунар. конф. – Киров, 1999. – С.380-389.

Низов В.В. Биармия и вятская чудь // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (К 210-летию А.Л.Витберга). – Киров, 1997. – С.160-190.

Низов В.В. Проблемы этнокультурной истории вятских народов в эпоху средневековья // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. – Киров, 1998. – Т.8. Этнография, фольклор. – С.70-101.

Никитина Т.Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья. – Йошкар-Ола, 1990. – (АЭМК. Вып.17). – С.81-118.

Никитина Т.Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С.161-206.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-ола, 2002.

Никитина Татьяна. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. – Казань, 2006. - №9, 2005-2006. – С.114-130.

Никитина Т.Б. Этногенез народа мари // Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. – С.23-27.

Никитина Т.Б. Этнокультурные контакты марийцев в эпоху средневековья (к проблеме «славяноидной» керамики) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т.II. – С.371-375.

Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). – Йошкар-Ола, 2006.

Овсянников О.В. Укрепленные усадьбы XIV-XV вв. как памятник оборонного зодчества Русского Севера // КСИА АН СССР. – М., 1982. – Вып.172. – С.97-104.

Полубояринова М.Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. – М., 1963. - №117. – С.165-199.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. – М.: Наука, 1978.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. – М.: Наука, 1993.

Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // САИ. – Л.: Наука, 1975. – Вып.Е1-32.

Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. – М.: Наука, 2001.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // САИ. – Л.: Наука, 1981. – Вып.Е1-60.

Равдина Т.В. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Древняя Русь и славяне. – М.: Наука, 1978. – С.133-138.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. – М.: Наука, 1982. – (Археология СССР).

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследования. – М.: Язык славянской культуры, 2002.

Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. – М.: Языки русской культуры, 1999.

Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода // СА. – 1953. – XVIII. – С.

Седова М.В. Ярополч Залесский. – М.: Наука, 1978.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). – М.: Наука, 1981.

Серебренников Б.А. Происхождение марийского народа по данным языка // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1967. С.165-180.

Соболевский А.И. Заметки о вятском говоре // Русский филологический вестник. – Варшава, 1906. – Т.55. – №1-2. – С.80-86.

Спицын А.А. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. – Пг., 1914. – Вып.53. – С.95-106.

Троицкий В.И. О группировке русских говоров на Верхней Каме // Очерки по русскому языку. – Киров, 1962. – С.54-67.

Уо Д.К. «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летописания // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: (К 210-летию А.Л.Витберга): Материалы междунар. симпозиума. – Киров, 1997. – С.336-349.

Уо Д.К. История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Фахрутдинов Р.Г. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // СА. – 1984. - №4. – С.90-108.

Федюшев К.В. Новые находки древнерусских печатей – матриц // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: Сб. статей к 75-летию В.Д.Белецкого. – СПб., 1994. – С.239-242.

Щапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998.

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. – М.: Изд-во МГУ, 1972.

Эммаусский А.В. Вятичи или вятчане? // Спутник агитатора. – Киров, 1974. – №3. – С.29-32.

Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X-XV вв. – М.: Наука, 1970. – Т.2.

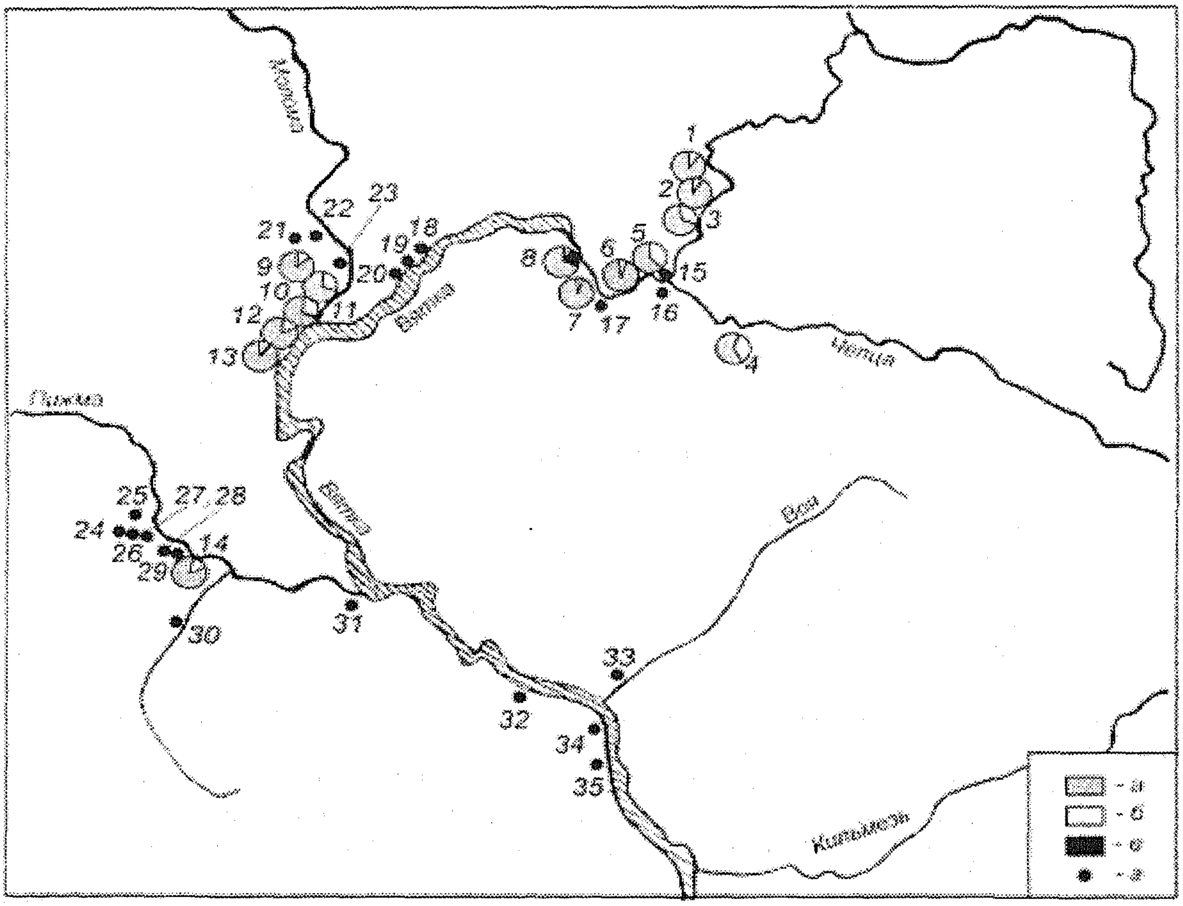

Рис.1. Схема распространения этнокультурных групп керамики на древнерусских поселениях Вятской земли (№1-14)

(а – славяно-русская; б – славяно-пермская; в – славяно-финская; г – памятники с керамикой, не вошедшей в статистику (№15-35)): 1 – Слободское городище; 2 – Родионовское селище; 3 – Подчуршинское городище; 4 – Кривоборское городище; 5 – Никульчинское городище; 6 – Никульчинское II поселение; 7 – Хлыновское городище; 8 – Вятское городище; 9 – Шабалинское городище; 10 – Шабалинское поселение; 11 – Ковровское городище; 12 – поселение Искра; 13 – Котельничское городище; 14 – поселение Покста II; 15 – Никульчинское IV селище; 16 – Усть-Чепецкий могильник; 17 – Чижевское городище; 18 – Большеждановское селище; 19 – Орловское городище; 20 – Тороповское городище; 21 – Вязовое селище; 22 – поселение Барзичи II; 23 – Спасское селище; 24-27 – Еманаевские могильник, I, II и IV селища; 28-29 – селища Покста I и III; 30 – Грековское селище; 31 – Пижемское городище; 32 – Лебяжское городище; 33 – поселение Ботыли IV; 34 – поселение Мысы IV; 35 – Уржумское селище